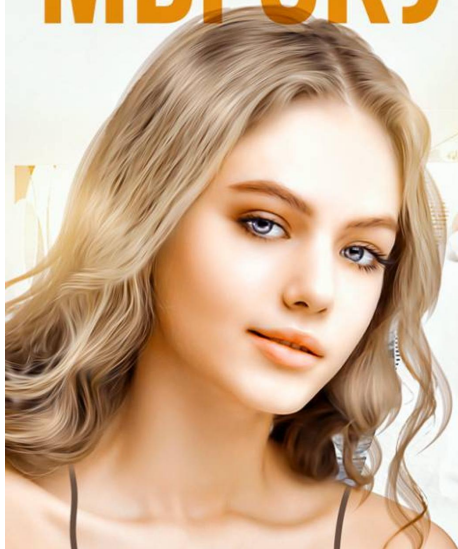


АНАСТАСИЯ
Лемани



ВИКТОРИЯ
Мроянская

Тана,
МЫ СКУЧАЕМ



Анастасия Леманн Виктория Троянская Папа, Мы Скучаем

<https://litres.ru/74047714>

SelfPub; 2026

Аннотация

— Олег, мы приехали!

Я переступила порог, придерживая ладонью живот, и сразу почувствовала: что-то не так. В квартире стояла та особенная тишина, какая бывает, когда человек думает, что он один.

Я с трудом наклонилась, скинула туфли и подождала, прислушиваясь. Никто не отозвался.

— И зачем я тащила эти пакеты? — Нина опустила сумки прямо на пол и брезгливо посмотрела на свои ладони, будто прикоснулась к чему-то грязному. — У Андрея, между прочим, выходной. Для этого и держат водителя.

— У Андрея семья, Нина. Один раз можно и самим справиться, ничего страшного не случится. У твоего папы сегодня хороший день, он новый филиал открыл. Вот мы и хотели его порадовать.

— Порадовать. — Она фыркнула и стянула куртку. — Ты правда думаешь, что папу можно порадовать твоим ужином?

Содержание

ПРОЛОГ	4
ГЛАВА 1	9
ГЛАВА 2	17
ГЛАВА 3	25
ГЛАВА 4	30
ГЛАВА 5	36
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Виктория Троянская, Анастасия Леманн Папа, Мы Скучаем

ПРОЛОГ

— Олег, мы приехали!

Я переступила порог, придерживая ладонью тяжёлый живот, и сразу почувствовала: что-то не так. В квартире стояла та особенная тишина, какая бывает, когда человек думает, что он один.

Я с трудом наклонилась, скинула туфли и подождала, прислушиваясь. Никто не отозвался.

— И зачем я тащила эти пакеты? — Нина опустила сумки прямо на пол и брезгливо посмотрела на свои ладони, будто прикоснулась к чему-то грязному. — У Андрея, между прочим, выходной. Для этого и держат водителя.

— У Андрея семья, Нина. Один раз можно и самим справиться, ничего страшного не случится. У твоего папы сегодня хороший день, он новый филиал открыл. Вот мы и хотели его порадовать.

— Порадовать. — Она фыркнула и стянула куртку. — Ты правда думаешь, что папу можно порадовать твоим ужином?

Я не ответила. За те месяцы, что я прожила в этом доме, я выучила все её движения наизусть, и каждое означало одно и то же: ты здесь чужая, и так будет всегда. Спорить с пятнадцатилетним подростком, выросшим в уверенности, что весь мир ему должен, было бесполезно.

Мне отчаянно захотелось молока. В последние недели я только им и спасалась — холодным, прямо из пакета, и сама стеснялась этой жадности, но поделаться ничего не могла. Третий триместр выматывал так, что к вечеру я едва представляла ноги. Спина отзывалась тупой тянущей болью при каждом движении, двое внутри давили изнутри, и я ловила себя на том, что считаю дни до родов, как считают дни до конца тяжёлой смены.

Наклоняться было больно, а просить вздорную падчерицу не хотелось. Я сама достала пакет из сумки, сделала несколько торопливых глотков прямо у плиты — и замерла.

Из глубины квартиры, из-за закрытой двери нашей спальни, доносились голоса.

Один — мужской, ленивый, довольный. Я узнала бы его из тысячи. Второй — женский.

Я медленно опустила пакет на столешницу.

Нина, оказавшаяся вдруг рядом, тоже застыла. И на её лице мелькнуло что-то, чего я не успела разобрать. Не удивление. Скорее ожидание — будто она знала, что я сейчас увижу, и ждала, как я это переживу.

— Уля, — начала она негромко, и впервые в её голосе не

было привычной колкости. — Не ходи туда.

Но я уже шла.

Ноги несли меня к спальне сами, тяжело и неуклюже, мимо растерявшейся девочки. Я шла по коридору, который знала наизусть, мимо наших с Олегом свадебных фотографий в рамках, и старалась ни о чём не думать. Но мысли всё равно неслись вперёд, рисовали то, чего я ещё не видела, и от этих картинок становилось трудно дышать.

Аноним. Звонки. «У вашего мужа роман, всё серьёзно, вы только мешаете». Я гнала это от себя месяцами. Уговаривала себя, что это чья-то злая шутка, что Олег просто устал, что после родов всё наладится.

Я толкнула дверь.

Она поддалась легко. На нашей кровати, на белье, которое я сама выбирала и сама стелила сегодня утром, были двое. Мне хватило одного взгляда, чтобы всё понять, и рассматривать дальше я не стала, да и не смогла бы. Я успела увидеть только смуглую спину мужа и чужие светлые волосы на моей подушке.

Пакет, который я почему-то всё ещё держала, выскользнул из пальцев. Молоко плеснуло на светлый палас, растеклось белым пятном по голубому ворсу, и в ту же секунду внизу живота стянуло так резко и сильно, что я согнулась пополам.

Олег обернулся.

Я хотела что-то сказать — хоть слово, — но изо рта вырвался только короткий чужой звук. Я осела на пол, прямо

в холодную лужу молока, и почувствовала, как по ногам потекло тёплое.

— Уля?..

Его голос доносился словно из-за толстого стекла. Я смотрела вверх, на люстру, которую мы выбирали вместе в той, другой жизни, где он держал меня за руку в магазине светильников и обещал, что я больше никогда не останусь одна. Тогда я верила каждому его слову.

Живот стянуло снова, сильнее прежнего, и я тихо охнула. Между схватками было совсем мало времени, и я, пролежавшая месяцами на сохранении, понимала, что это значит. Слишком быстро. Слишком рано.

— Кажется, началось, — выговорила я, обращаясь не к нему, а куда-то в пустоту над собой. — Рано. На неделю раньше.

За спиной послышалась возня — кто-то торопливо натягивал одежду, чужой испуганный женский голос спрашивал, надо ли вызывать скорую.

— Звони ноль-три! — Олег опустился рядом на колени, подхватил меня под спину. От его рук, от запаха чужих духов, которым тянуло от его кожи, мне стало только хуже. — Уля, держись. Слышишь? Держись.

Поздно ты вспомнил, что я тебе нужна, подумала я. Слишком поздно.

Перед тем как всё расплылось, я повернула голову и нашла взглядом Нину.

Она стояла в дверях спальни и смотрела на меня сверху вниз. Не двигаясь с места. И не сделала ни единого шага, чтобы помочь.

ГЛАВА 1

Я открыла глаза и не сразу поняла, где нахожусь.

Белый потолок, белые стены, белая простыня под пальцами. Рука сама легла на живот — плоский, чужой, пустой. Я подскочила так резко, что в боку вспыхнуло, и тут же зажмурилась.

Дети. Где мои дети. Двойняшки, которых я уже назвала заранее, ещё месяц назад, лёжа в больничной палате на сохранении и вода пальцем по тёплой коже живота. Аня и Ваня. Я выбирала им имена долго, перебирала, проговаривала вслух, примеряла, и всё боялась сглазить. А когда выбрала, стало легче, будто они уже были со мной, уже жили, уже звали меня.

— Тихо, тихо. Зачем так нервничать?

Я повернула голову. У окна, закинув ногу на ногу, сидела моя свекровь.

Алеся Николаевна была, как всегда, безупречна: строгий брючный костюм глубокого оранжевого цвета, тёмные волосы собраны в высокий хвост, ни одной лишней складки, ни одной выбившейся пряди. Даже здесь, в больнице, она выглядела так, будто пришла на деловые переговоры. И только взгляд выдавал её — холодный, оценивающий, без капли тепла.

Эта женщина невзлюбила меня с первого дня, и причину

я понимала. Я была никем.

Сирота, выросшая в чужом доме, без денег, без связей, без громкого имени. Мои родители погибли в автокатастрофе, когда я была совсем маленькой, и меня забрала к себе тётка, любившая выпить, и её муж, ей под стать. В доме, кроме меня, росло пятеро своих детей, и с малых лет я знала: просто так никто даже куска хлеба не даст. Накорми скотину, подои корову, переделай всю работу по двору — и тогда, может быть, получишь стакан молока с хлебом. Я научилась быть незаметной и полезной раньше, чем научилась читать.

Семья Олега была из другого мира.

Он вырос с золотой ложкой во рту. Мать много работала, поднимала свой лицей искусств, а сын с детства жил при гувернёрах, ездил отдыхать к морю, носил красивую одежду. У меня не было ничего. Как судьба свела нас в тот вечер в клубе, на дне рождения моей однокурсницы, я до сих пор не понимаю. Я сидела в углу в единственном своём приличном платье, о котором, как мне потом рассказывали, мечтал весь наш курс, и не знала, куда деть руки. А сын известной Олеси Дзержинской вдруг подошёл именно ко мне.

Он уже был тогда женат — на красавице-актрисе, дочери известного человека, и у них подрастала дочь. Старше меня на двенадцать лет, богатый, уверенный в себе. Я не понимала, что он во мне нашёл, и не верила своему счастью. Первое время я даже подарки от него брать стеснялась. А потом перестала сопротивляться, потому что он смотрел на меня так,

будто я была чудом. И я поверила, что так будет всегда.

— Здравствуйте, — тихо сказала я. — Что с моими детьми?

Свекровь вздохнула, и в этом вздохе не было ни тревоги, ни жалости. Только досада.

— Преждевременные роды. Я не понимаю, зачем было устраивать весь этот спектакль.

Я приподнялась на подушках.

Память тут же подбросила картину: открытая дверь, чужая женщина на моём белье, лицо Олега. Я снова легла, отвернулась к стене и сжала зубы, чтобы не разреветься при ней. Слез она не выносила.

— Уля, давай только без слёз.

— Я не плачу. Я просто очень переживаю за детей. Скажите хотя бы, как они. Живы?

— Живы. — Она помолчала, словно решая, стоит ли продолжать. — В реанимации для новорождённых. Маленькие, слабые. Будут выхаживать.

Я закрыла глаза. В реанимации. Мои крошки, которых я ещё даже не видела, лежали сейчас одни, в кювезах, опутанные трубками, а я не могла ни подойти, ни взять их на руки, ни просто быть рядом.

— Я хочу их видеть.

— Успеешь. — Свекровь встала, прошлась по палате, остановилась у изножья кровати. — Сейчас тебе нужно думать о другом. Аня и Ваня родились раньше срока по твоей

вине, Ульяна. Олег — мужчина. Ну что такого, что он позволил себе лишнего? Тебе нельзя было нагружаться, врачи сто раз предупреждали. А ты примчалась раньше времени и устроила сцену.

Я медленно повернулась к ней.

— Вы сейчас серьёзно? Я застала собственного мужа в постели с чужой женщиной — и виновата я?

— А если бы ты не застала, всё было бы хорошо, — спокойно ответила она. — Иногда не надо лезть туда, куда не просят.

— А если бы ваш муж...

Её лицо застыло.

Я знала, что наступила на больное, но остановиться уже не могла.

— Мой муж ушёл когда-то к другой. — Голос её стал ровным и твёрдым, как лёд. — К моей же подруге, между прочим. Неудачнице, пустышке. И закончил тем, что закончил — на кладбище. Его я обсуждать не намерена. Я бы простила, я готова была простить, но он сделал свой выбор сам. Ещё вопросы?

Вопросов у меня было много, но я молчала. Спорить с ней было всё равно что биться головой о стену — стена оставалась целой, болела только голова.

Она снова присела на краешек кровати, чуть мягче, и от этой показной мягкости стало только страшнее.

— Послушай меня внимательно, девочка. Я не знаю, что

у тебя в голове, но факт остаётся фактом. У тебя двойня. Двое детей, которых надо кормить, лечить, поднимать. Олег — взрослый мужчина, и привычки у него соответствующие. Та женщина для него ничего не значит, поверь мне. А ты подумай хорошенько, прежде чем закатывать истерики. Одна ты этих детей не поднимешь. Никогда. Тебе бы на моего сына молиться, что он вообще обратил на тебя внимание.

— Я люблю своих детей. И справлюсь.

— Любовью сыт не будешь. — Она поднялась и одёрнула пиджак. — Я в твои годы это уже понимала. Пойду поговорю с врачом. Не глупи, Уля. Это дружеский совет.

Она направилась к двери, неторопливо, вальяжно, будто это была не больница, а её собственная гостиная, и вышла, не оглянувшись.

Когда дверь за ней закрылась, я наконец позволила себе заплакать. Слезы текли по щекам, я не вытирала их, просто смотрела на белую стену и понимала: теперь у меня начинается совсем другая жизнь. Какая — я ещё не знала.

На тумбочке завибрировал телефон. На экране высветилось: «Олег».

Говорить с ним не хотелось. Но я понимала, что выбора нет, и приняла вызов.

— Да.

— Привет.

— Привет.

— Как детки?

Как будто ему было дело. Как будто он не знал.

— В реанимации. Я только пришла в себя, мне толком ничего не сказали. Они родились на неделю раньше срока, это плохо, Олег.

— И кто в этом виноват? — В его голосе не было ни тени раскаяния. — Зачем ты вообще примчалась? Я тебя просил?

Я села так резко, что чуть не выдернула катетер. В боку снова вспыхнуло. Я закусила губу и несколько секунд молчала, пережидая.

— Мне Нина сказала, что ты обрадуешься. Что мы приготовим ужин в честь твоей сделки.

— Уля, у нас что, денег нет? В ресторан сходить нельзя? Заказать домой нельзя? Захотел бы я праздника — сам бы сказал. А раз не звал, значит, не надо было лезть. Ты чуть детей не потеряла из-за своей глупости. С Ниной я ещё поговорю.

— А кто виноват, что твоя дочь так ко мне относится? Она с первого дня меня...

— Она моя кровь. И ничего плохого она не делает. У неё переходный возраст. — Он помолчал. — Ладно. Я маме перезвоню.

— Олег, ты приедешь? Хотя бы детей посмотреть. Они же твои.

Где-то на его стороне послышался голос. Молодой, женский, певучий.

— Олег, ты идёшь?

В груди у меня всё сжалось.

— А это кто?

— По работе. Что за допрос, Уля?

— По работе... — Я смотрела на белую стену и слышала собственный голос как со стороны, спокойный, чужой. — Ты даже не хочешь извиниться за то, что я увидела в собственной спальне?

— Извини, если тебе от этого легче. — Он сказал это так, будто речь шла о пролитом чае. — Для меня это вообще ничего не значило. А если для тебя трагедия — это уже твои проблемы. Выздоровливай.

В трубке пошли гудки.

Я держала телефон в руке и не верила. Это не мог быть тот Олег, который полтора года назад нёс меня на руках по тёплому песку чужого пляжа и шептал, что я — самое лучшее, что случилось в его жизни. Тот Олег и этот были как два разных человека, и я не понимала, в какой момент один сменился другим. И сменился ли. Или этого, второго, я просто не желала замечать.

Я положила телефон обратно на тумбочку и отвернулась к окну.

Где-то рядом, за стенами этой палаты, в кюветзах лежали два моих ребёнка, которых я ещё ни разу не держала на руках. И только они теперь имели значение. Всё остальное — Олег, его мать, их деньги, их красивый чужой дом — вдруг стало неважным, далёким, как чужая жизнь, подсмотренная

В ОКНО.

Я выживу. Ради них выживу. Я повторяла это про себя, пока не уснула.

ГЛАВА 2

— Ульяна, вы бы хоть глаза подвели. Фотограф же!

Я стояла внизу, у выхода из отделения, с Аней на руках. Малышку перевязали атласной лентой с пышным бантом, и она казалась невозможно крошечной в этих нарядных пелёнках. Ваню несла медсестра, шедшая чуть позади.

Две недели они провели в реанимации, две недели я приходила к ним по часам, мыла руки до локтей, надевала халат и стояла у кюветов, не смея дышать. Я разговаривала с ними шёпотом, пела им что-то без слов, и мне казалось, что они меня слышат. А сегодня наконец настал день выписки, и я несла свою дочь сама, и держала так крепко, будто кто-то мог её отнять.

Свекровь оглядела меня с головы до ног, и на её лице отчётливо проступило раздражение.

— Что ты вышла, как непонятно кто? Ты же женщина. За собой следить надо. Я в магазин ненакрашенная не выходила. Будешь себя запускать — вот тогда муж и начнёт смотреть на сторону. А я-то думала, ты выводы сделаешь.

— Я не успела. Дети капризничали.

На самом деле я просто не хотела.

Минувшей ночью я почти не спала. Сначала меня разбудил Ваня, потом ещё один телефонный звонок — неизвестный номер, незнакомый, искажённый голос. Чужой человек

спокойно сообщил, что у моего мужа давно роман, что всё серьёзно, что я только мешаю. Звонили уже не в первый раз. После таких разговоров у меня едва не пропадало молоко, и я с трудом брала себя в руки. А теперь я должна была, после бессонной ночи, крутиться перед объективом и изображать счастье, которого не было.

Внизу с роскошным букетом стоял Олег. Красивый, в идеально сидящем костюме, гладко выбритый. Рядом — его мать, яркая, нарядная, словно сошедшая с обложки. И только я в своём простом платье чувствовала себя лишней в этом блеске, как уборщица, случайно зашедшая в чужой праздник.

Олег подошёл, скользнул взглядом по свёртку у меня на руках.

— Это который?

— Аня. — Я чуть повернула дочь, чтобы он увидел лицо. — А Ваню несёт медсестра.

Он кивнул, рассеянно, будто я показала ему не дочь, а какую-то попку. Никакого света в глазах, никакого того, что я столько раз представляла: как он впервые берёт детей на руки, как меняется его лицо. Ничего этого не было.

Фотограф старался поймать счастливую семью, но семьи не было. Свекровь больше следила за тем, чтобы попасть в кадр, чем смотрела на внуков. Олег пару раз скользнул взглядом по малышам, чуть улыбнулся — и всё.

Дома меня ждал накрытый стол и толпа гостей.

К этому я была совсем не готова. Хотелось искупать детей, переодеть, лечь самой и закрыть глаза хоть на час. Но ко мне уже спешила приятная женщина в годах, полноватая, с добрым круглым лицом.

— Здравствуйте, я Светлана Ивановна, ваша няня! Меня Алесья Николаевна наняла. Ой, какие крошки! Чудо какое! А мама-то какая красавица! Вы прелесть, милая, ей-богу. На внучку мою похожи, такая же светленькая.

Светлана Ивановна, видно, любила поговорить, и от её болтовни, от её живого, тёплого голоса мне впервые за день стало чуть легче. Хоть один человек в этом доме смотрел на детей как на детей, а не как на повод для фотографии. И когда после кормления она унесла малышей купаться, я наконец прилегла. Голова гудела, болело всё тело.

Дверь спальни распахнулась. Вошёл Олег, и от него отчётливо потянуло спиртным.

— А тебе отдельное приглашение нужно? Гости пришли, а ты в постели. Врач что, прописал тебе постельный режим?

Я осторожно села.

Раньше, до беременности, он так со мной не разговаривал никогда. Окружал заботой, ловил каждое моё желание, помнил, какой я пью чай и какие люблю цветы. А потом, когда я забеременела, попросту отправил по больницам, подальше от своих глаз. Я думала — бережёт. Теперь понимала — убирал с дороги.

— Нет, я просто устала. У меня было кесарево, Олег. Я

не готова к шумным застольям. Мне это всё не нужно, тем более в доме дети, им сейчас тишина нужна. Я хотела просто отдохнуть.

Он зло посмотрел на меня.

— Там собрались серьёзные люди. Партнёры, нужные знакомства. Поэтому встань, приведи себя в порядок и спустись. Полчаса тебе. Няню тебе наняли, освободили от всего. А ты что? Платье какое-то непонятное, лицо без косметики. Какая ты была — и какой стала. Мне нужна красивая, яркая жена рядом, а не вот это вот.

Его слова били, как пощёчины. Он хлопнул дверью так, что в шкафу звякнули вешалки, и вышел.

Я прижалась спиной к стене и сидела так, не шевелясь.

Может, и не было никакой любви. Может, он просто хотел отомстить первой жене за измену, а я подвернулась под руку — удобная, благодарная, всё стерпит. Молоденькая, нищая, без роду и племени, готовая молиться на него за один ласковый взгляд. И я, наивная дура, поверила, что меня выбрали за меня саму.

Через полчаса я уже смотрела на себя в зеркало.

Длинное серебристое платье, открытая спина, собранные волосы, подведённые глаза. На запястье — мамин браслет. Тонкий, простенький, не из тех, что носили женщины в этом доме. Тётка не успела его пропить, я нашла его раньше и спрятала, и берегла все эти годы. Я смотрела на этот браслет и вспоминала: наш старый дом, шашлыки во дворе, мама

смеётся, запрокинув голову, папа что-то рассказывает, размахивая руками. Где они теперь? Я так по ним скучала, что иногда было трудно дышать. Будь вы живы, ничего этого не случилось бы. Вы бы меня в обиду не дали.

Я спустилась вниз, туда, где собрались гости.

Меня словно не замечали. Все поздравляли Олега, его мать, чокались, смеялись, а я стояла среди них, как пустое место. Обиды почему-то не было — только усталость и пустота. Я взяла со стола бокал с соком и вышла на веранду, подальше от музыки и чужих голосов.

Внизу, на подъездной дорожке, мелькнул Олег. Он шёл к машине и говорил по телефону — оживлённо, радостно, так, как давно уже не говорил со мной. Я видела, как он улыбался, как сел за руль, не прекращая разговора, как тронулся с места.

И уехал.

В боку снова кольнуло.

К ней.

— Да ты её видела, эту серую мышь? — раздался за спиной женский голос. Две гостьи стояли в дверях веранды и говорили вполголоса, не подозревая, что я рядом. — Он её назло Наташке нашёл. Сравни — где та и где эта.

— Да конечно назло! Он Наташу на руках носил. А когда она ему изменила, чуть с ума не сошёл, запил по-чёрному. Вот и притащил себе деревенскую, помоложе да поскромнее, чтобы Наташке нос утереть. Свадьбу закатил на весь город.

Я закусила губу и крепче сжала бокал.

Наташа. Первая жена Олега. Та, которую он любил. Та, от которой Нина.

— А Наташку-то новый муж бросил, говорят. Молодую нашёл. Так что она опять свободна. Удобно как, правда?

— Тише ты. Услышит ещё.

Они отошли, а я осталась стоять, и сок в бокале казался горьким.

— Наташенька, проходи! — пропел вдруг голос свекрови из глубины зала. — Вы с Ниночкой вне конкуренции!

Бокал едва не выскользнул у меня из пальцев. Я обернулась и шагнула обратно к дверям.

В зал входила Наташа — ухоженная, безупречно красивая, в платье, которое стоило, наверное, как моя машина. Рядом с ней Нина. Свекровь что-то говорила ей, та смеялась в ответ, как давняя, дорогая гостья, как своя. Гости расступались, кто-то целовал ей руку. Смотреть на это было невыносимо.

Меня. На празднике в честь моих детей. В моём доме. А встречали — её.

Я отступила обратно на веранду, достала телефон и набрала Олега. Он ответил только с третьего раза, недовольный.

— Да.

— Олег, куда ты уехал с собственного праздника? Я вообще не понимаю, что происходит. Или я для тебя настолько пустое место, что меня даже в известность ставить не надо?

— По делам. По работе. Что случилось-то? Я обязан тебе докладывать о каждом шаге?

— У нас в доме Наташа. Я как-то не очень рада её видеть. Или за эти месяцы что-то изменилось? Ты вообще помнишь, что это ты мне изменил, а не наоборот?

Он тяжело выдохнул в трубку.

— Знаешь, ты раньше такой скандальной не была. Тихая была, удобная. Не хочешь так жить — давай разведёмся. Удерживать не стану.

В горле пересохло. Я и сама уже не знала, хочу ли я с ним жить. Но пока я не вышла на работу, мне нечем было платить ни за няню, ни за жильё, ни за лечение детей — ни за что. И он, и его мать прекрасно это понимали. В этом и был весь расчёт: загнать меня в угол, где я никуда не денусь.

— Зачем здесь Наташа? — повторила я.

— Она мать Нины! — внезапно сорвался он на крик, так, что я отстранила телефон от уха. — Что тебе ещё надо? Это моя кровь, такая же дочь! Оставь меня в покое, Уля. По-моему, вся наша свадьба, вся наша жизнь — одна большая ошибка. Я слишком поздно это понял.

Гудки.

Я опустила телефон.

Где-то в прошлом остались свадебный торт в три яруса, его объятия, тёплый песок чужого острова, на котором были только мы вдвоём, и он клялся, что я — его последняя женщина на земле. Где всё это теперь? В какой момент я пре-

вратилась для него в ошибку?

Снизу, из детской, послышался тихий плач. Один из малышей проснулся.

Я поставила нетронутый бокал на перила, выпрямилась и пошла обратно в дом, мимо нарядной Наташи, мимо смеющейся свекрови, мимо чужих гостей. Я шла к своим детям. Только они и держали меня сейчас на ногах, и ради них я готова была вытерпеть что угодно.

ГЛАВА 3

— Уля, ну куда ты опять? Гости же ждут!

Я даже не обернулась на голос свекрови. Поднялась на второй этаж, толкнула дверь детской — и остановилась на пороге.

Светлана Ивановна укачивала Ваню, тихонько напевая что-то без слов. Аня уже спала в кроватке, разметав крошечные кулачки, и личико у неё было такое спокойное, такое доверчивое, что у меня защемило где-то под рёбрами. Я подошла, осторожно поправила одеяльце и долго стояла, просто глядя на дочь. На дочь, которую две недели назад чуть не потеряла. На дочь, ради которой я готова была горы свернуть.

— Идите к гостям, голубушка, — мягко сказала няня. — Я тут управлюсь. А вы устали, на вас лица нет.

— Я побуду немного, можно? Внизу мне всё равно никто не рад.

Она посмотрела на меня внимательно, и что-то понимающее, бабье, тёплое мелькнуло в её глазах, но расспрашивать она не стала.

— Сидите сколько хотите. Это ваши дети, ваша комната. Кто вам тут указ.

Какое-то время мы молчали, и это молчание было первым за весь день, в котором мне было спокойно. Я смотрела, как Ваня засыпает на руках у няни, как разглаживается его смор-

ценное личико, и думала, что вот ради этого стоит терпеть всё остальное. Ради этих двоих.

— Светлана Ивановна, — тихо спросила я, — а вам не страшно было сюда идти? В такой дом?

— А чего бояться-то? — Она пожала плечами. — Дети везде дети. А люди... люди всякие бывают, милая. И в богатых домах, и в бедных. Ты на них не смотри. Ты на своих гляди.

Я кивнула. Простые слова, а легли точно.

Потом я всё-таки спустилась. Праздник гудел, но мне не было до него никакого дела. Я снова вышла на веранду, к перилам, и достала телефон.

Голова кружилась — то ли от усталости, то ли от духоты в доме, то ли от того, что я почти ничего не ела за день. Я ухватилась за прохладные перила и закрыла на секунду глаза.

Внизу, в зале, мелькнула Наташа. Она смеялась, запрокинув голову, рядом крутилась Нина, что-то ей рассказывала, заглядывая в лицо. Свекровь подливала им чай, и все трое выглядели так, будто это их дом, их семья, их праздник. А я — случайная гостья, которую забыли выставить за дверь. Будто и не я родила в этом доме двоих детей. Будто меня здесь вообще нет.

Я набрала Олега ещё раз. Просто чтобы услышать, что он скажет. Просто чтобы убедиться, что всё это происходит со мной на самом деле, что я не сплю.

Он не взял.

Я смотрела на тёмный экран, и внутри росло что-то тяжёлое, давящее. Захотелось забрать детей и уехать. Прямо сейчас, среди ночи, куда угодно, лишь бы подальше отсюда. Только ехать было некуда.

Тётка пьёт, в каком состоянии родительский дом — я не знаю, да и пустит ли. С двоюродными братьями и сёстрами я не общалась годами. В университете взяла академический отпуск, денег своих нет ни копейки. Я оказалась в ловушке, которую сама же и помогла построить: вышла замуж за человека, в чьих руках было всё, а в моих — ничего. Остаться я больше не могла, а уйти было некуда.

— Уля.

Я вздрогнула и обернулась. В дверях веранды стояла Нина. Она смотрела на меня странно — не с привычной злостью, а как-то выжидающе, исподлобья, теребя браслет на тонком запястье.

— Тебе чего? — устало спросила я.

— Бабушка зовёт. Говорит, спустись, неудобно перед гостями.

— Сейчас приду.

Она не уходила. Стояла, переминаясь с ноги на ногу, и смотрела на меня так, будто хотела что-то сказать и не решалась.

— Ты ведь всё равно уйдёшь, да? — наконец проговорила она. — От папы.

— Это не твоё дело, Нина.

— Моё. — Она шагнула ближе. — Это всё из-за тебя. Если бы тебя не было, папа с мамой давно бы помирились. Все так говорят. Бабушка говорит. И мама.

— Никто бы не помирился. — Я повернулась к ней, и говорила спокойно, хотя внутри всё дрожало. — Твоя мама ушла задолго до того, как появилась я. Я не виновата в том, что у твоих родителей не сложилось. Мне жаль, что тебе больно, правда жаль. Но я тут ни при чём.

Что-то дрогнуло в её лице. На секунду передо мной была просто девочка, потерянная, обиженная, мечтающая о том, чтобы родители снова были вместе. Я почти пожалела её.

Она хотела ответить, но в эту секунду из глубины дома её окликнула свекровь — резко, требовательно. Нина вздрогнула, бросила на меня последний долгий взгляд и ушла.

Я снова осталась одна.

Голова закружилась сильнее. Я крепче ухватилась за перила, но ладони почему-то соскользнули по гладкому дереву. Перед глазами всё качнулось, поплыло, и я не сразу поняла, что теряю равновесие.

За спиной послышались быстрые шаги. Совсем близко.

Я начала оборачиваться — и не успела.

Чья-то ладонь толкнула меня в спину. Резко, сильно, обеими руками, между лопаток.

Перила ушли вниз. Веранда, дом, тёмный сад — всё перевернулось и понеслось. Я взмахнула руками, как будто это могло помочь, как будто я могла за что-то ухватиться в пу-

стоте, в которой не было ничего.

Последнее, что я увидела перед тем, как всё погасло, было лицо моей мамы. Её руки, тёплые, ласковые, тянущиеся ко мне сквозь темноту, как тогда, в детстве, когда я падала и она всегда успевала подхватить.

Мама. Как же мне тебя не хватает.

А потом не стало ничего.

ГЛАВА 4

— Ульяна, вы меня слышите? Пошевелите пальцами на правой ноге.

Я открыла глаза. Снова белый потолок, снова чужая палата. Надо мной склонился врач — немолодой, с усталыми внимательными глазами и аккуратной седой бородкой.

Я попыталась пошевелить пальцами. Ничего не произошло.

Внутри что-то медленно холодело.

Врач откинул одеяло, осторожно постучал маленьким молоточком сначала по одной ноге, потом по другой. Я смотрела на эти движения и не чувствовала ровным счётом ничего. Ноги были как чужие, будто принадлежали кому-то другому, а ко мне их просто приставили на время.

— Доктор, — выговорила я, и собственный голос показался мне далёким. — Что с моими ногами? Я их не чувствую. Совсем.

Он выпрямился, помолчал секунду, подбирая слова.

— У вас была серьёзная травма при падении. Повреждение позвоночника. Сейчас рано делать окончательные выводы. Будем наблюдать, смотреть динамику.

— Я парализована?

Молоточек в его руке чуть дрогнул.

— Давайте без паники, Ульяна. Сейчас не время и не ме-

сто для выводов. Главное — успокоиться и не накручивать себя.

— Как я могу успокоиться? — Я вцепилась в простыню обеими руками. — У меня двое детей, доктор. Двое. Им нет и месяца. Кто будет их растить, если я не встану?

Он мягко накрыл мою руку своей широкой тёплой ладонью.

— Я вас понимаю. Честное слово, понимаю. Но если вы сейчас разволнуетесь, легче не станет ни вам, ни им. Медицина шагнула далеко. Сделаем КТ, посмотрим снимки, тогда и будем говорить предметно. Договорились? Вы мне нужны спокойная.

Я молча кивнула, хотя внутри всё кричало.

Меня увезли на обследование, потом вернули в палату, и я долго лежала, глядя в потолок и считая трещинки на побелке, лишь бы не думать. Самым страшным был не сам диагноз, которого мне ещё не озвучили. Самым страшным был взгляд медсестры, которая помогала мне, — короткий, жалостливый, тут же спрятанный. И судно, которое мне подставляли, как ребёнку. И собственное тело ниже пояса, которое больше не слушалось и не отзывалось.

Кому я теперь нужна. Калека, обуза, лишний рот. Никому. Дети. Где мои дети. Я не видела их со дня падения, мне даже не говорили, как они.

Я взяла телефон и набрала Олега.

Если бы это он упал, я бы не отходила от него ни на секун-

ду. Держала бы за руку, спала бы на стуле у кровати, ловила бы каждое слово врачей. Это ведь так страшно, когда твой человек в беде. А Олега рядом не было. Ни разу. Сколько я уже здесь? День, два? Я потеряла счёт.

— Алло.

Голос женский. Молодой.

У меня перехватило дыхание.

— Вы кто?

— А вы кто? — насмешливо отозвались на том конце.

Я узнала этот голос раньше, чем услышала следующую фразу.

— Мам, папа встал. Ты собралась?

Нина. Где-то рядом, на чужом конце линии, шла чужая жизнь. Жизнь, которая ещё две недели назад была моей.

— Что с моими детьми? — Я старалась говорить ровно, как велел врач. — Немедленно позови Олега. Это мой телефонный номер мужа, дай ему трубку.

— С детьми всё хорошо. — Это снова была Наташа, спокойная, почти ласковая, и от этой ласковости становилось только хуже. — Могу дать тебе номер няни, если хочешь. Светлана Ивановна прекрасно справляется, они в надёжных руках. А Олег сейчас не может подойти, он отдыхает. Позвонит позже, как освободится. У тебя всё? Алеся Николаевна, кстати, к тебе уже едет, вот с ней всё и обсудишь.

Гудки.

Я сидела, сжимая телефон, и впервые за эти дни не могла

даже заплакать. Просто смотрела перед собой, в одну точку. Наташа в моём доме. Наташа отвечает по телефону моего мужа. Наташа решает, дать ли мне поговорить с собственными детьми.

Чуть позже мне всё-таки удалось дозвониться до Светланы Ивановны. Но от её прежней болтливости не осталось и следа. Сухо, по делу, чужим напряжённым голосом: с детьми всё хорошо, не волнуйтесь, кушают, спят, всего доброго. Будто кто-то заранее научил её, что говорить, и стоял рядом, слушая. Когда мне дали поговорить с малышами по видео — всего минуту, не больше, — я не сдержалась. Слезы катились, я их не вытирала, только смотрела на крошечные лица на экране и шептала им, что мама скоро придёт, мама обязательно придёт. А положив телефон, разрыдалась в голос, уткнувшись в подушку, чтобы не услышали в коридоре. Что теперь будет со мной? Что будет с ними?

Дверь палаты открылась.

Вошла свекровь — на этот раз в зелёном костюме, такая же безупречная, как всегда, будто и не было всех этих страшных дней. За ней, с папкой в руках, доктор. Его лицо ничего хорошего не предвещало.

— Алеся Николаевна, вы потом ко мне зайдёте, — сказал он.

— Обязательно зайду, Тофик Туранович. Я могу поговорить с невесткой наедине?

Он кивнул и вышел, тихо прикрыв дверь. Мы остались

вдвоём.

Свекровь села на стул, закинула ногу на ногу, оглядела палату с лёгкой брезгливостью, как будто здесь дурно пахло.

— Улечка, милая. Дела твои очень плохи, детка. Лучше горькая правда, чем сладкая ложь, меня так воспитывали.

Я молчала. Дело было не в воспитании, а в том, чтобы за-
деть побольнее. Только я не понимала зачем. Что я ей сде-
лала, чем заслужила.

— Ты повредила позвоночник, — продолжила она. — Шансы даже с операцией невелики. Так что надо что-то решать, и побыстрее.

— А что тут можно решить?

Она красиво закатила глаза.

— Делать операцию в хорошей клинике. Есть такая, в Гер-
мании, специализируется как раз на подобных случаях. А
для этого нужны деньги, и немалые. У тебя их нет. Только
если оплатит мой сын. Я-то всего лишь скромный директор
лица, откуда у меня такие средства.

Я понимала, кто на самом деле распоряжается всеми день-
гами в этом доме. И сыном в том числе.

— А если Олег оплатит, — она наклонилась чуть ближе, и
голос её стал вкрадчивым, — ты примешь его условия. Все,
какие будут. До единого.

— Какие условия?

— Он сам тебе скажет. Я в ваши дела не вмешиваюсь.
— Она поднялась, одёрнула пиджак. — Но советую тебе не

отказываться, Ульяна. Очень советую. За эти месяцы вы и правда стали друг другу совсем чужими, что уж там скрывать. Олег понял, что разлюбил тебя. Просто воспитание не позволяло сказать это прямо в лицо. А теперь скрывать уже нечего и незачем.

Она направилась к двери, вальяжно, неторопливо, и я смотрела ей в спину, в этот безупречный зелёный костюм, в идеально уложенные волосы.

И вдруг вспомнила.

Тень за спиной на веранде. Быстрые шаги по доскам. Две ладони, толкнувшие меня в спину между лопаток. Не порыв ветра, не собственная слабость. Чьи-то руки.

Я не упала. Меня толкнули.

— А что если я скажу, — медленно проговорила я ей в спину, — что упала не сама? Что меня толкнули? Что кто-то подошёл сзади и толкнул меня с веранды? Ведь вы это знаете не хуже меня. Знаете, кто это сделал.

Свекровь замерла на пороге.

Спина её напряглась, плечи едва заметно поднялись, рука застыла на дверной ручке. Несколько долгих секунд она не двигалась и не оборачивалась, и в палате стояла такая тишина, что я слышала собственное сердце.

А потом, так и не сказав ни слова, она вышла из палаты и очень тихо, очень аккуратно прикрыла за собой дверь.

И эта её тишина сказала мне больше, чем любые слова. Я была права. И теперь они это знали — что я вспомнила.

ГЛАВА 5

— К сожалению, всё хуже, чем я предполагал.

Доктор водил пальцем по снимку на экране и говорил, не оборачиваясь, будто так ему было проще смотреть мне в глаза.

— Повреждение очень серьёзное. Спинальный мозг задет. Я не буду вас обманывать, Ульяна, обнадеживать тоже не стану. Есть одна клиника, она специализируется именно на таких случаях. Очень хорошая, очень дорогая. Но...

— Но это дорого, — закончила я за него.

Он наконец повернулся.

— Да. И не только. Даже там не дадут стопроцентной гарантии. Это сложная операция, долгое восстановление, реабилитация месяцами. Но без неё шансов почти нет. С ней — есть.

— Где эта клиника?

— В Германии. Мы сегодня обсуждали это с вашей свекровью.

Я подняла на него глаза.

— Что именно вы обсуждали? Без меня?

Он не успел ответить. Дверь открылась.

— Здравствуйте.

Я замерла. На меня смотрели когда-то родные, когда-то любимые глаза. Олег стоял в дверях — в безупречном костю-

ме, гладко выбритый, чужой. Он смотрел на меня так, будто на моём месте лежала незнакомая женщина, до которой ему не было никакого дела. Ни жалости. Ни вины. Ни даже простого человеческого сочувствия, какое бывает к чужому пострадавшему.

Доктор кивнул нам обоим, что-то пробормотал про обход и тихо вышел, прикрыв дверь. Мы остались вдвоём.

— Привет, — сказала я.

— Привет.

Он не подошёл к кровати. Прошёл к окну, заложил руки за спину, постоял так, глядя на улицу. И заговорил — ровно, отрепетированно, как будто читал заранее заготовленный чужой текст.

— У тебя очень серьёзная травма, Уля. Высокое давление, голова закружилась, ты упала. Я виноват, что оставил тебя одну в таком положении. Прости меня. Мы с мамой сделаем всё, что в наших силах.

Я слушала и не узнавала его голос. Слишком гладко. Слишком заранее. Так не говорят с любимой женщиной, попавшей в беду. Так зачитывают условия сделки.

— Олег, я...

— Не говори ничего. Просто выслушай меня до конца. — Он по-прежнему стоял спиной. — Мама всё уже решила. Так будет лучше для всех, поверь. Мы оплатим тебе операцию в Германии, самую лучшую. Ты встанешь на ноги. А дети...

Он запнулся.

— Что — дети?

Он не обернулся. Сказал, глядя в окно, ровным, почти скучающим голосом:

— Есть очень приличные люди. Хорошая семья, обеспеченная, уважаемая. У них нет своих детей, а они очень хотят. Они смогут дать Ане и Ване всё на свете — лучшие сады, лучшие школы, дом, будущее. А ты сейчас не в том состоянии, чтобы поднимать двоих одна, без денег, без здоровья. Ты сама это понимаешь, если подумаешь трезво.

Сначала я не поняла. Слова доходили медленно, по одному, и не складывались в смысл. А когда сложились, в палате стало нечем дышать.

— Подожди. — Я приподнялась на локтях, и в боку реза-нуло. — Олег, ты сейчас о чём? Ты предлагаешь отдать наших детей чужим людям?

— Я предлагаю дать им нормальную жизнь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.